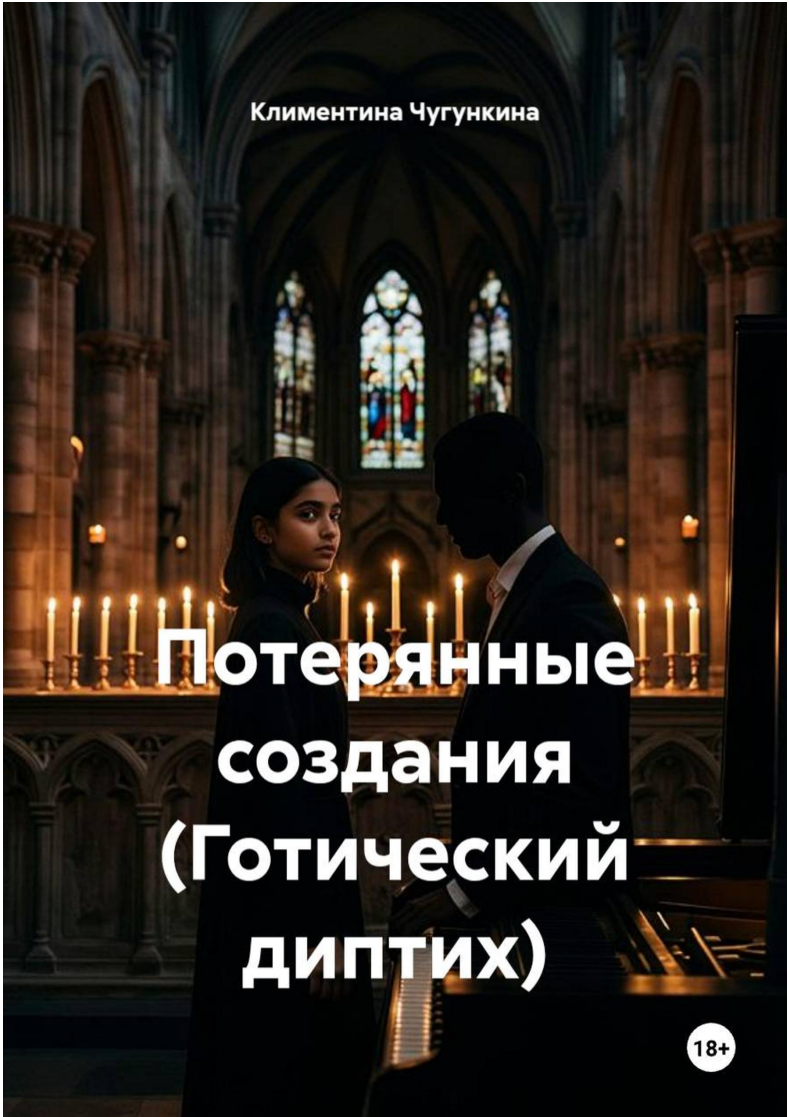

Климентина Чугункина
Потерянные создания (Готический диптих)
18+

Климентина Чугункина

Потерянные создания (Готический диптих)

https://litres.ru/74742098
SelfPub; 2026

Аннотация

В первой части повествуется о благочестивом семействе, недавно перебравшемся из Индии на Британские острова. Одна из дочек поражена красотой готического собора, что виден из окна их нового дома. В храме она знакомится с загадочным органистом. Проникшись к девушке доверием, он решает открыть ей страшную тайну.

Вторая часть приоткрывает завесу путешествий во времени, когда молодая героиня случайно отстаёт от своей группы на экскурсии в Неаполе. Не сразу приняв обстоятельства того, что очутилась в прошлом, она, однако, отваживается на авантюру, принимая участие в танцевальном маскараде, не ведая того, что смерть движется за ней по пятам.

Содержание

Рассказ первый 4
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Климентина Чугункина
Потерянные создания
(Готический диптих)

Рассказ первый

Мы переехали из Индии в город N, чтобы остаться в нём навсегда. Во-первых, моя бабушка, которую я никогда не видела, скоропостижно скончалась, и отец стал единственным и полноправным владельцем особняка Уиллбрук-хауз, построенного нашим предком, графом Эдвардом Уиллбруком. Во-вторых, мои младшие братья Джеймс и Эдвард подросли, а достойное образование они могли получить только в Европе, к тому же отец желал, чтобы они учились там же, где и он.

Матушка и сестрица Элинор также желали переезда, потому что климат Индии не слишком хорошо влиял на их здоровье. Я же любила путешествия и всегда хотела вернуться в дом предков. Где бы мы ни жили, я всегда была счастлива со своей семьёй.

Переезд длился полгода. Сперва надо было переправить багаж и завершить все дела, отправить вперёд слуг; потом несколько месяцев мы добирались до родного города сами - сперва морем, а затем в наёмном экипаже.

Уиллбрук-хауз представлял собой большое трёхэтажное здание, парадным крыльцом выходившее на площадь с собором. Я очень любила архитектуру, хорошо разбиралась в стилях и всегда восхищалась гигантскими, богато украшенными зданиями. И наш новый дом, и собор Святого Духа представляли верх совершенства: первый – эпохи барокко, а второй - готического стиля.

Да, как сказал мне отец, Уиллбрук-хауз не перестраивался более ста лет и так и оставался торжественным и напыщенным, как один из представителей своего стиля.

Готический собор заставлял уноситься ввысь своими двумя островерхими шпилями. Мне очень повезло, потому что два окна в моей комнате как раз позволяли хорошо видеть часть этого здания.

Когда мы прибыли, был уже вечер, и знакомство с городом пришлось отложить на следующий день.

В свою первую ночь в этом доме мне не удалось выспаться: церковный колокол отбивал каждый час и пугал меня.

Утром я была бледнее обычного и все заметили это.

- Если хочешь, можешь расположиться в другой комнате с видом на внутренний дворик, - предложил мне отец за завтраком.

Я всегда доверяла своему внутреннему чутью, и в этот раз оно советовало мне остаться в прежней комнате, поэтому я отказалась.

- В скором времени я привыкну к колоколу. Всё-таки это

моя первая ночь на новом месте. А как вы сегодня спали? – поинтересовалась я.

Все стали отвечать и расписывать удобства своих новых спален, так что разговор о новом доме растянулся на всё время завтрака. Блюда оказались непривычны, потому что наша новая кухарка приготовила еду из местных продуктов, однако всё оказалось вкуснее, чем в Индии.

Да, мне определённо нравилось здесь больше. Значит, неспроста мне всегда хотелось жить в Уиллбрук-хаузе. Кто-то или что-то всегда влекло меня сюда.

В скором времени я и Элинор отправились на прогулку по городу.

Элинор восемнадцать и она младше меня на два года, но она так серьёзна и порой ведёт себя совсем по-взрослому, так что скорее получается, что она старшая. Вообще мы с ней очень похожи: волосы цвета пшеницы, голубые глаза, высокий рост и гибкий стан, а также некоторая грация движений, которая так присуща девушкам из благородных семей. Признаюсь, правда, что я несколько красивее. Быть может, всё дело в глазах, а точнее, в выражении взгляда: мой, например, никогда не знал забот или печали, а вот Элинор всё близко принимает к сердцу из-за своей серьёзности. А ещё мои волосы ложатся крупными волнами, как у матушки, а у Элинор, как и у Джеймса и Эдварда, волосы будто прилизал телёнок.

Итак, мы оделись потеплее в меховые манто и шляпки (на

дворе уже был ноябрь), взяли сумочки и вышли за дверь на Соборную площадь. Мне было не слишком удобно в новом платье, сшитом по последней моде: в Индии я носила более просторные и лёгкие; жали и новые сапожки.

Однако, оглянувшись на всё это великолепие домов в разных стилях (а здесь таких было немало), я забыла обо всех неудобствах, потому что увлеклась разглядыванием архитектурных узоров и прочих декоративных элементов на фасадах. На площади царило оживление: народ суетился и спешил по своим делам во все стороны. Элинор хотела зайти в лавки торговцев, чтобы посмотреть здешние товары, я же спешила в церковь, поэтому мы с ней разошлись, уговорившись встретиться через час на том же самом месте.

Собор Святого Духа поражал своим размахом, одно его окно было размером с наш чулан для щёток. Две колокольни устремляли к небесам свои готические шпили, а фасад главного здания украшали многочисленные горгульи и химеры.

Я была, наверное, самой религиозной в своей семье. Остальные молились скорее в силу привычки, нежели по истинной вере. Однако я не была суеверной, скорее, молитвы просто доставляли мне удовольствие. Я, как и отец, любила открытия и уважала все последние изобретения. Как никак, мы жили в эпоху Просвещения, когда разум преобладал над всем, и жить только религиозными мыслями могли лишь старухи-молельщицы, что вечно сидели в храмах на первых скамьях.

В Индии мы ходили в небольшую церковь, в которой всегда было очень тесно и душно, и как-то полутемно от слишком многих жаждущих послушать проповеди.

Собор Святого Духа был выложен из зеленоватых камней, а чтобы войти, приходилось подниматься по очень высоким ступеням крыльца. Да, воистину человек ничтожен перед волей Господней. Вот, о чём заставляли задуматься все эти гигантские шпили и арки, а ещё своды готического здания.

Я поспешила внутрь. Был будний день, первая половина дня и внутри кроме троих человек никого не было, но эти люди молились, поэтому я могла неспеша осмотреть всё убранство.

Особой красотой и каким-то неземным спокойствием привлекал алтарь с массивным распятием; по бокам вдоль стен, под нефами арок и величественных готических сводов размещались картины и статуи Мадонн или Пьеты, цветные витражи изображали Рождество Младенца и сцены из Святого Писания. Кафедра, с которой вещал проповедник, была деревянной и богато украшена ангелам. Всё здесь вообще поражало своей роскошью, а мрамор и дерево являлись в совершенно неожиданных сочетаниях.

Встав в центре храма, я оглянулась на хоры и увидела золотые трубы на проспекте величественного органа. Фасад украшали небольшие ангелочки, звёзды, а возвышалась над всем Мария с Младенцем. В Индии службы проходили под фисгармонию, и, хотя я была наслышана об органе, никогда

не видела такого большого и прекрасного инструмента как сейчас.

В моей душе что-то перевернулось, сердце забилось чаще. На меня словно снизошла небесная благодать и в изнеможении опустилась я на скамью. Слева от меня под сводом находилась статуя Maria Misericordia с согнутыми руками, приложенными к сердцу, и склонённой головой.

Статуя находилась в полутени, и я не сразу заметила фигуру, стоявшую перед ней. Некто, должно быть, молился, потому что оставался недвижим. Я ещё раз посмотрела на Марию и восхитилась умением мастера, из-под резца которого могло выйти такое человечное и живое выражение лица статуи.

Прошло довольно много времени, прежде чем молившийся ушёл. Мне показалось, что он (а это был именно мужчина, потому что в полутьме мне удалось разглядеть кудри на его непокрытой голове) взглянул на меня и только потом скрылся во мраке. Я подошла к Марии Misericordia и заметила у подола её одежд алые розы. Какой-то внутренний порыв заставил меня взять одну и оставить себе.

Тут колокол пробил следующий час, и я поспешила к Элинор. Сестрицы ещё не было, и я вновь принялась разглядывать готические башни, медленно обходя по кругу собор. Я заметила на противоположной стороне башенные часы, показывающие не только обычное, но и астрономическое время. Странно, что их расположили не над входом, как это

обычно делается для того, что бы простым людям было удобно определять время.

Когда я обошла здание по кругу и вернулась на прежнее место, Элинор уже ждала меня с парой приятных покупок. Мы вновь воссоединились и продолжили осмотр. И мне, и ей город N показался очень неплохим: здесь была прекрасная средневековая архитектура и множество лавок с богатым выбором товара.

Вечером за обедом отец по очереди спрашивал каждого из нас, как у кого прошёл день. Это была своего рода традиция. Так каждый из нас мог поделиться с остальными своим мнением, а ещё рассказать что-нибудь интересненькое.

Элинор поведала о нашей прогулке и о безделицах, что купила для своей комнаты, а затем подошла моя очередь.

- Я ходила в собор Святого Духа и, признаюсь, прежде никогда не видела такого великолепия и не ощущала внутри такого умиротворения. Собор этот не сравнится с местом, в котором мы молились раньше.

- Но, Констанция, только утром ты говорила, что предпочла бы жить подальше от собора с его шумными колоколами, - заметила Элинор.

- Я изменила своё мнение, - кивнула я. – Думаю, в воскресенье вы сами всё увидите и согласитесь со мной в том, что это прекрасный собор.

Я не забыла о розе, что взяла у подножия статуи, и перед сном положила её меж страниц одной из книг, что взяла по-

читать в нашей новой библиотеке, которая, к слову сказать, была намного больше прежней. У розы запах был не только обыкновенный цветочный, но и ещё какой-то посторонний. Этот едва уловимый аромат скоро улетучился, но навёл меня на мысль, что кто-то душил цветок или душился сам. Чем-то родным веяло от розы, чем-то из детства, что я давно позабыла.

В последующие дни я совсем замоталась с домашними хлопотами и светскими приёмами, которые родители давали в нашем новом доме. По возрасту только я одна могла выходить в общество, и это было для меня несоизмеримо скучно. Пустые разговоры никогда меня не привлекали, и, когда удавалось, я играла на старом вирджинале, хотя, признаюсь, весьма посредственно. Родители позаботились, чтобы я получила достойное образование, но не старались развить мои таланты, поэтому я ничего не умела и не обладала никакими выдающимися навыками, ежели не считать того, что всегда восхищалась искусством и людьми – мастерами своего дела.

Неделя пролетела незаметно, и наступило воскресенье, пришла пора идти в церковь. Вчера мне довелось познакомиться с нашим пастором отцом Брауном, а сегодня я слушала его проповеди, однако, когда раздались неземные звуки органа, что-то во мне всколыхнулось, ибо на инструменте играл истинный гений. Все стандартные произведения с мессами звучали с чувством, казалось, что в унисон с хором звучит глас небес. Для меня служба длилась не час, но мгно-

вение. В заключение прозвучало что-то торжественное и такое виртуозное, точно за пультом сидел волшебник и заставлял звучать не один инструмент, а целый духовой оркестр.

Мы остались в соборе, чтобы переговорить с отцом Брауном, дожидаясь, пока он освободится от других прихожан. Я сидела на скамье, оборотившись к хорам. Оттуда спускались певчие, а затем последним – человек в чёрном, который закрыл решёткой лестницу, ведущую наверх. Чёрные кудри показались мне знакомыми. Мужчина обернулся и встретился со мной взглядом, казалось, целенаправленно, но тут же удалился в боковой проход алтаря.

Отец Браун наконец-таки вступил в беседу с моим отцом, а затем подошёл к каждому из нас, чтобы засвидетельствовать своё почтение.

- Скажите, - обратилась я к нему, - кто это играл на органе? Я никогда прежде не слышала такой чудесной музыки.

- Вы не первая, мисс Констанция, кто восхищается игрой нашего органиста. Нашему приходу повезло, что мистер Томас появился в нужный момент.

- Должно быть, он был лучшим в школе канторов и органистов, в которой учился, - осмелилась предположить я, ибо без хорошей школы невозможно стать гением.

- Увы, мистер Томас потерял память и ничего не помнит до того момента, как очутился в здешнем соборе. Но вот и он сам.

Священник подозвал органиста, который неожиданным

образом оказался вблизи нашей группы, и тот предстал перед нами.

- Позвольте представить вам Эмиля Томаса, чьей музыкой вы наслаждались всё это время. А это семейство Уиллбрук, вернувшееся из Индии в родной город.

Пока отец Браун представлял нас друг другу, я разглядывала мистера Томаса. Ему было за тридцать, он был высок и статен, но чрезмерная бледность лица выдавала его болезнь, хоть и была оттенена чёрными тонким кудрями, похожими на шерсть спаниеля. Когда святой отец назвал моё имя, наши взгляды с мистером Томасом пересеклись, и он смотрел на меня чуть дольше того момента, кои допускаются приличиями. Его глаза были неопределённого цвета, а взгляд казался взглядом опытного человека, прожившего уже добрые полсотни лет, и таким неподходящим для его возраста. Вообще же всё выражение его лица отдавало какой-то грустью.

Когда с любезностями было покончено, я обратилась к органисту, и он перевёл свой пронзительный взгляд на меня.

- Кажется, вы чем-то опечалены. Разве собственная игра не доставляет вам удовольствия?

- О потерянной памяти вот уже давно я скорблю, юная мисс Уиллбрук.

- Но в ваших глазах вижу я мудрость, свойственную тем, кто прожил достаточно лет, - добавила я, однако матушка меня перебила, а потом мы засобирались домой.

Напоследок мистер Томас вновь посмотрел на меня как-

то особенно внимательно, отчего я вдруг покраснела, но, благодарение небесам, этого никто не заметил.

- Собор, правда, очень красивый, Констанция, - шепнула мне на ухо Элинор.

Однако за вечерней трапезой, когда мы обсуждали прожитый день, я поняла, что ни на кого не произвела служба такого впечатления, как на меня. Все признали, что органист красиво играет, но никто не слыхал гласа небес. Я же не стала более подымать эту тему, потому что семья, как я уже упомянула, не была настолько религиозна. Всё-таки эпоха разума…

С того воскресенья я стала заходить в собор каждый день во время прогулки, но, так как Элинор не желала идти со мной, я всё чаще отправлялась гулять одна. Я всегда припадала на колено у алтаря, затем оборачивалась и смотрела на орган, а потом подходила к статуе Maria Misericordia и любовалась её скорбящей фигурой. Сперва отец Браун разговаривал со мной, но я отвечала неохотно или односложно, и он вскорости позволил мне бродить одной и приходить, когда вздумается.

- Должно быть, вас что-то тревожит, дитя моё, раз вы приходите в обитель Господню так часто, - однажды сказал он, когда я пришла совсем рано, ещё до завтрака.

- Нет-нет. Просто здесь я нахожу отдохновение от городской суеты. Здесь я всегда размышляю о высоком, о вопросах бытия, которые никогда раньше не пришли бы мне в го-

лову.

- О, мисс Констанция, не к лицу юной девице делаться философом, - покачал головой пастор. – Даже отцы-основатели не смогли найти ответы на эти вопросы.

Я также замечала несколько раз мистера Томаса, и всегда мне казалось, что он наблюдает за мной с интересом.

Прошёл месяц, прежде чем я столкнулась с ним и разговорилась. И неслучайно Maria Misericordia оказалась опять причиной нашего сближения.

В тот день я пришла поздно, в сумерках, потому что днём у нас были гости и мне надо было участвовать в общих разговорах. Уже стоя перед хорами собора и собираясь уходить, я заметила фигуру, преклонившую колени перед статуей Девы. Подойдя ближе, я узнала органиста, который оставил у края одежд Марии цветы, должно быть, последние в этом году. Он тоже собирался уходить, когда заметил меня.

- Мисс Уиллбрук, - поздоровался он. – Что привело вас сюда в столь поздний час?

- Всего лишь Мадонна. Не могу не приходить к ней каждый день. Вижу, вам она тоже нравится. Вот уже второй раз застаю вас за возложением цветов.

Я взглянула на его приношение. Это оказались садовые белые хризантемы.

- Так я благодарю её за каждый прожитый месяц.

- Должно быть, это ужасно, ничего не помнить о своём прошлом, – я сочувственно посмотрела на него.

- Я стараюсь жить настоящим. Мисс Уиллбрук, не хотите ли подняться со мной на хоры? – вдруг спросил он.

Я кивнула. В этом святом месте я не видела ничего неприличного в его предложении, здесь мы были невинны и наивны как дети.

Мы подошли к лестнице, мистер Томас отпер чугунную решётку и промолвил:

- Подождите здесь минутку. Я зажгу наверху свет и крикну, когда можно будет подняться.

Он проворно взбежал по ступеням и его шаги гулким эхом отдавались от стен, затем возник свет, и я, поддерживая юбки, а другой рукой опираясь на перилла, стала взбираться наверх.

На хорах стояли скамейки в два ряда, а перед ними орган с кафедрой, обращённой так, чтобы органист сидел лицом к певчим. Король инструментов оказался несколько большим, чем я ожидала, разглядывая его снизу. Мистер Томас откинул крышку, и я увидела три мануала, а также множество рычагов-регистров. Он сел и заиграл такую светлую мелодию, что мне снова послышался глас небес. Я не могла оторваться от его фигуры, которая танцевала (ведь он играл и ногами), сидя на скамье. Музыка звучала, придавая сил, и мне так захотелось пуститься в пляс, что лишь усилием воли я заставила себя не делать этого.

Когда он закончил, последний аккорд ещё гулко отдавался в пространстве здания. Музыкант обернулся ко мне, словно

чего-то ожидая.

- Что вы играли? – спросила я, а в голове ещё продолжала звучать мелодия - до того была она хороша.

- Хорал «Мой Бог даёт мне благодать». Вам понравилось?

- О да. Мелодия оправдывает название, потому что я почувствовала прилив сил. И ещё я вижу, что вы играете душой, не руками.

- Благодарю вас. Может быть, вы хотите поиграть?

- Нет, что вы! Я играю весьма посредственно. Честно признаюсь, что вовсе не обладаю никакими талантами. Я скучнейшая из всех девушек на свете, - я слабо улыбнулась.

Я призналась почти незнакомому человеку в своих слабостях. Что-то со мной творится…

- Уверен, это не так. Столь очаровательная особа обязательно чем-то да владеет в совершенстве и…

Он неотрывно глядел на меня, отчего я вцепилась в спинку скамьи, за которую держалась; я не желала опускать глаз, но всё-таки покраснела, когда он назвал меня очаровательной.

- Эмиль, - раздался вдруг голос отца Брауна внизу. – Зачем ты играешь в столь поздний час? Мисс Уиллбрук, – заметил он меня.

- Я показывал леди орган, - спохватился мистер Томас, вставая и закрывая крышку на пульте.

- Я уже ухожу, святой отец. Благодарю вас за игру, мистер Томас.

Я поспешно спустилась вниз, едва ли не бегом бросившись из собора наружу. Моё лицо горело, несмотря на прохладный ветер. Меня сильно взволновали слова органиста, а вовсе не священник, заставший нас вдвоём на хорах.

На следующий день мой брат Эдвард сказал, что меня срочно желает видеть отец.

- Он не сказал зачем? – поинтересовалась я, выходя из комнаты.

- Нет, но я видел, что от него только что уходил священник.

Понятно стало, зачем я понадобилась своему отцу.

- Констанция, закрой-ка дверь и сядь напротив меня. Нам надо поговорить, дочка.

Я повиновалась, и отец продолжил:

- Констанция, ты уже не ребёнок, поэтому я буду говорить с тобой, как со взрослым человеком. Я спрошу, может ли быть такое, и я об этом не знаю, что в твоём сердце поселился кто-то ещё помимо нашей семьи?

Такого вопроса я никак не ожидала, поэтому с лёгкостью ответила, чуть улыбаясь:

- Конечно же, нет, батюшка. Я никогда даже не думала о мужчинах, как о своих кавалерах. Ну и вообще… тоже не думала.

Я говорила правду, и отец это увидел.

- Тогда ответь на ещё один вопрос. Почему почти каждый день ходишь ты в собор Святого Духа?

- Потому что внутри так красиво! – воскликнула я. – А ещё в соборе я могу отрешиться от городской суеты.

- Сейчас ко мне приходил отец Браун. Он сказал, что вчера вечером застал тебя с мистером Томасом на хорах, одних. Мне кажется, ты поступила немного легкомысленно, оставаясь одна с малознакомым мужчиной. Почему ты не позвала сестру или братьев?

- Никто не хочет ходить со мной в собор. А мистер Томас просто показывал мне орган. И не думаю, что мы были одни… Кто-то ведь должен был накачивать меха инструмента.

- Хорошо, дочка, можешь идти. Если увидишь Элинор, позови её ко мне. Я попрошу её всё-таки не оставлять тебя одну. И тебя прошу приглядывать за ней тоже.

Я кивнула и вышла, призадумавшись над словами отца. Он вдруг посчитал, что я интересуюсь органистом, да и наш пастор тоже. Но разве это возможно? Я представила красивое лицо мистера Томаса и впервые задумалась о нём. Была в нём какая-то загадка. Глаза выдавали ум, которого не может быть у человека, потерявшего память.

Однако с сегодняшнего дня Элинор вновь стала выходить со мной гулять и, следуя наказу отца, ни на шаг от меня не отходила. Мистера Томаса я перестала видеть, а его игру слышала только в воскресную службу. Моя сестра скучала в соборе, поэтому я не могла находиться внутри так долго, как мне этого хотелось.

Близилось Рождество, начал падать снег, и ступени наше-

го дома каждое утро леденели. Наш слуга чистил их, но однажды Элинор всё-таки поскользнулась на маленьком кусочке льда и подвернула ногу. Её лодыжка опухла, и она не могла ходить, поэтому в тот день я пришла в собор одна.

На скамьях сидело несколько прихожан, и я не стала подходить к алтарю, а сразу направилась к Мадонне. Мне повезло, ибо я увидела мистера Томаса проходящим по противоположной стороне, он меня не заметил и скрылся за алтарём, а я вновь обернулась к статуе, размышляя о жизни.

- Добрый день, мисс Уиллбрук.

Я подскочила на месте от испуга и неожиданности. Оказалось, что это органист подошёл ко мне, а я отвлеклась и не заметила его сразу.

- Вы сегодня одна?

- Моя сестра повредила ногу, поскользнувшись на льду, - ответила я, не глядя на него.

- Надеюсь, ничего серьёзного?

- Нет.

Наступила тишина, потому что я отвернулась к Мадонне, но молчание раздражало меня, и я вновь обернулась к мистеру Томасу. Он же посмотрел на меня так, словно желал что-то сказать, но по какой-то причине не мог. Его тёмные кудри выгодно оттеняли правильные черты лица, и меня зачаровали тени от свеч, плясавшие по его щекам и одежде.

- Близится Рождество. Я так люблю этот праздник, - сказала я первое, что пришло в голову, лишь бы не молчать.

- Какой бы подарок вы хотели получить? – спросил он неожиданно и совершенно серьёзно.

- Я хотела бы прикоснуться к истинному искусству.

Мы говорили шёпотом, чтобы не мешать другим людям, но эту фразу я произнесла так тихо, что по затянувшемуся молчанию поняла, что продумала ответ про себя, поэтому ответила ещё раз, но теперь уже другое.

- Любой подарок от моей семьи доставит мне удовольствие.

- Мисс Уиллбрук, разрешите пожать вам руку в знак благодарности за ваши частые визиты сюда. Редко встретишь сейчас молодёжь, тем более девиц, склонных к богосозерцанию.

Я не видела ничего предосудительного в его просьбе и протянула руку, затянутую в перчатку. Я была рада, что он не увидит моей загорелой кожи, ведь индийский загар ещё не успел сойти до конца, а я немного переживала, что моя кожа не такая белая, как у здешних женщин. Он бережно пожал мне руку, словно боялся, что она хрустнет как стекло, и меня с головы до пят вдруг охватила мгновенная дрожь.

Мистер Томас поклонился и удалился, а я осталась стоять в растерянности. Я не могла понять, с чего вдруг он стал интересоваться подарками, почему стал говорить мне несуразные вещи и благодарить меня. Возможно, я ему понравилась. А нравился ли он мне? Да, он был безумно красив даже в скромной церковной форме. Но что ещё я знала о нём? Он

добр и вежлив, и ему надо сочувствовать по причине его болезни, а ещё я была уверена, что органист скрывает какую-то тайну.

Я всё размышляла и размышляла и по дороге домой, и уже в комнате над причиной его внезапного ухода, а потом стала воображать себе разные варианты такой сцены, как если бы он не ушёл поспешно, и мы бы остались наедине у статуи Мадонны и продолжили разговор.

- Ты сегодня очень тиха. Ты не заболела, детка? – спросила матушка, когда мы сидели с ней за рукоделием у постели Элинор.

- Нет, я просто думала.

Чтобы не вызывать подозрений, я стала нарочито весело болтать о пустяках, так что даже сестра почувствовала себя лучше.

Вечером одна в своей спальне я всё ворочалась и никак не могла уснуть, мысленно общаясь с мистером Томасом. Пора признаться, что я безнадёжно в него влюбилась и у меня началась любовная лихорадка – первая в моей жизни. Вскоре я вскочила с кровати, зажгла свечи и села за столик, взявшись за перо. Я подумала, что, излив чувства на бумаге, смогу, наконец, успокоиться и заснуть; в противном случае, завтра я буду чувствовать себя разбитой или с больной головой. Я стала подбирать слова, и они сами потекли из меня рекой, я едва успевала записывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.